

Философские науки

УДК 141.132 + 141.78 + 101.8
ББК ЮЗ(4)6-786

ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ДИСКУРСАХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Е. В. Гредновская, Р. В. Пеннер

Статья посвящена сравнительному анализу идей экзистенциализма и постмодернизма, условий и специфики их формирования. Ключевым аспектом анализа статьи является проблематика подлинности человеческого существования, новый модус ее смыслового наполнения в постмодерне под влиянием информационных технологий.

Ключевые слова: экзистенциализм, постмодернизм, человек, подлинность, экзистенция, дискурс, информационные технологии, «смерть» Бога, автора, субъекта.

Научно-технический прогресс, интенсивное развитие информационных технологий в последние годы вновь обострили одну из самых значимых антропологических проблем — проблему подлинности существования человека в мире. Впервые проблема подлинности / неподлинности человеческого бытия была поднята философами-экзистенциалистами. Тезис Ж.-П. Сартра о том, что **существование человека предшествует его сущности** можно считать «центрообразующим нулем» в системе координат проблемы подлинности. В этом изначальном пункте для человека открываются две принципиальные возможности: во-первых жить, «как все», не задумываясь над смыслом собственных действий, существуя как бы по инерции, автоматически, не выбирая и не решая своей судьбы — в модусе *неподлинного существования*; во-вторых, жить в постоянном риске осуществления выбора и принятия решений с несением полной ответственности за смысл своих действий — в модусе *существования подлинного*.

Надо отметить, что понятие, «аутентичность» (*подлинность*) было введено М. Хайдеггером и развито К. Ясперсом в связи с центральной проблемой философии человека, а именно — проблемой превращения неподлинного человеческого бытия в подлинное. Аутентичным или подлинным бытием, согласно М. Хайдеггеру, является лишь индивидуальное бытие *в существовании Dasein* («*вот бытие*» или «*здесь бытие*»). Однако человек как Dasein всегда находит и осознает себя в мире окруженным другими Dasein, где в сосуществовании с другими человек предстает как *Любой (Некто)*, являющийся общей основой для всех Dasein. Этот Некто не обладает никаким телом, и в этом смысле он уже Никто, но самым очевидным образом присутствует и действует в этом мире, причем не только в мире вещей, но и в мире идей, норм морали, в общественном мнении. Таким образом, окружающий человека мир есть не только его мир, но и мир *других*. И в существовании Dasein на уровне Любого М. Хайдеггер выделяет три основные черты такого существования: *изолированность, усредненность и одинаковость*. В объективной действительности Любой поглощает всякое отдельное Dasein, что означает приоритет *социального*. Поэтому Dasein, согласно М. Хайдеггеру, полностью поглощен ми-

ром Das Man, то есть безличным сознанием. Именно такое его существование М. Хайдеггер считает неподлинным.

Чтобы обрести индивидуальность, нужно прийти к самому себе, в то время как многие люди, утверждает философ, вполне сознательно остаются на уровне *Любого*, поглощенные *Das Man*, и не стремятся к аутентичному бытию. Такой выбор дает немалые преимущества: «я как все», «а что я?», «куда все туда и я». Оставаясь на уровне Das Man, человек утрачивает модус существования Dasein, деградирует. Кроме того, и само Аутентичное бытие страшит его, т. к. чтобы быть аутентичным, необходимо быть самостоятельным и абсолютно ответственным за самого себя и мир в целом.

Подлинность, по Ясперсу, — бытие, нескованное и неукрепленное какой-либо одной концепцией, идеей или возможностью, которая навязана извне и предопределяет выбор человека. Иначе говоря, это искренность до конца и по отношению к другим, и по отношению к себе, при которой индивид свободен как от внешнего манипулирования, так и от самоманипулирования, проявляя себя в непосредственно ясном и ответственно свободном бытии.

Учитывая масштабность обозначенной тематики, мы увидели своей задачей необходимость прояснить только один вполне определенный ее аспект: что означает подлинность человека в контексте научно-технического прогресса? Что дал экзистенциализм в своей рефлексивной реакции на зависимость человека от НТР? Что открывает для нас постмодернизм в XXI веке?

Отметим, что экзистенциальные проблемы обозначались в философии еще до XX столетия. Проблема «растревоженной экзистенции» волновала человека задолго до открытия атома и изготовления атомного оружия, до начала мировых военных конфликтов. Экзистенциализм как философское течение достигает пика своего развития в середине XX столетия.

Одной из причин генезиса экзистенциализма стало осознание человеком своего бессилия перед мощью техники, понимание несовершенств, порожденных техническим прогрессом. М. Хайдеггер в речи памяти К. Крейцера «Отрешенность» указывал на следующее: «Этим летом в очередной раз со-

стоялась международная встреча лауреатов Нобелевской премии 1955 года в Линдау. Американский химик Стэнли сказал на ней следующее: «Близок час, когда жизнь окажется в руках химика, который сможет синтезировать, расщеплять и изменять по своему желанию субстанции жизни». Мы приняли к сведению это утверждение, мы даже восхищаемся дерзостью научного поиска, при этом не думая. Мы не останавливаемся, чтобы подумать, что здесь с помощью технических средств готовится наступление на жизнь и сущность человека, с которым не сравнится даже взрыв водородной бомбы. Так как даже если водородная бомба и не взорвется и жизнь людей на земле сохранится, все равно злое изменение мира неизбежно надвигается вместе с атомным веком» [12]. Атомный век с необходимостью способствовал «зловещему изменению мира». И человек бессилен в противостоянии им. И человек с необходимостью испытывает тревогу и страх перед механической мощью технического «зверя». Концептуализацией проблемы взаимоотношения человека с техникой стало философское осмысление поднятой проблематики: М. Хайдеггер («Вопрос о технике», «Отрешенность»), К. Ясперс («Современная техника»), Г. Марсель («Быть и иметь»).

Н. А. Бердяев тоже называет проблему взаимоотношений человека с машиной предметным полем для философской антропологии: «Человек и машина, человек и организм, человек и космос — вот проблемы философской и религиозной антропологии» [1]. И ранее: «Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности. С точки зрения органической жизни техника означает развоплощение, разрыв в органических телах истории, разрыв плоти и духа. Техника раскрывает новую ступень действительности, и эта действительность есть создание человека, результат прорыва духа в природу и внедрение разума в стихийные процессы. Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные. И вот трагедия в том, что творение восстает против своего творца, более не повинуется ему. Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы, машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я без тебя все буду делать, ты же можешь пропадать» [1]. Статья Н. А. Бердяева «Человек и машина» была опубликована в 1933 г. в журнале «Путь» в Париже. Русский философ как бы предчувствовал эсхатологические настроения, воспринятые во второй половине — конце XX столетия в художественной культуре (science fiction А. Азимова «Камешек в небе», «Последний вопрос», К. Чапека «R.U.R.», режиссеров Дж. Кэмерона («The Terminator»), Э. и Л. Вачовски («Matrix Trilogy»)): творение человеческое не только не приносит своему создателю желаемые блага, но стремится занять «место» творца, уничтожив его. Эсхатологические настроения беспокоят Н. А. Бердяева, выводят его на ключевой экзистенциальный вопрос по проблеме взаимоотношений человека с техникой: «Может ли человек существовать лишь в старом космосе, физическом и органическом,

который представлялся вечным порядком, или он может существовать и в новом, ином, неведомом еще космосе?» [1]. Впрочем, как и М. Хайдеггер, отечественный мыслитель утверждает, что техника «размягчает» тело, но для достижения искомой гармонии человеку стоит не истреблять созданное «детище», но закалять свой дух; технику необходимо подчинить человеческому духу.

Завершает свои размышления о технике основатель персоналистского экзистенциализма довольно оптимистично: «Очень часто в нашу эпоху люди, раненные машинизмом, говорят, что машина калечит человека, что машина во всем виновата. Такое отношение унижает человека, не соответствует его достоинству. Ответственна совсем не машина, которая есть создание самого человека, машина ни в чем не виновата, и недостойно переносить ответственность с самого человека на машину. Не машина, а человек виновен в страшной власти машинизма, не машина обездушила человека, а сам человек обездушился. Проблема должна быть перенесена извне внутрь» [1]. Одна из ключевых экзистенциалистских проблем раскрывается в том, что с одной стороны, созданная человеком машина разомкнула границы его возможностей, дала ему абсолютную свободу, но эта абсолютность граничит с безответственностью человека за собственные же поступки (экологические кризисы, военные конфликты, безработица, порожденная автоматизацией производства), приводит к «размягчению» его тела и духа. Таким образом, абсолютная свобода, по Н. А. Бердяеву, утверждается не в постоянном удовлетворении человеком собственных желаний посредством техники, а в выходе духа за пределы наличной действительности с целью управления техникой.

Популярности экзистенциализма способствовали студенческие революционные настроения второй половины XX столетия. Студенты как группа, в наибольшей степени открытая всему новому, в сравнении с иными людьми, постоянно выступали активными участниками революционных движений. Май 1968 г. ознаменовался политическим восстанием студентов и рабочих во Франции, активно распространявшимся из университетов (за идеологический центр принято считать Сорбонну) по всей территории страны. Ключевой силой движения «сопротивления» общепринятой морали, общественным, политическим и экономическим нормам стала «недовольная» студенческая масса. Внутреннее недовольство студентов, поддержанное настроениями их товарищей-рабочих, переросло из сферы личных переживаний в сферу активных протестных действий. Как метко в свое время заметил К. Маркс, а за ним повторил Ж.-П. Сартр, «идеи господствующего класса превращаются в господствующие идеи» [9, с. 21]. «Господствующим классом» во Франции во второй половине XX столетия можно именовать привилегированные социальные группы (политики, предприниматели, общественные деятели), чьи взгляды разительно расходились с идеями возмущенного студенчества. Итогом стало противостояние студентов «господствующим идеям», вылившееся в протестное движение.

Парадоксально, на первый взгляд, но Франция на тот момент переживала апогей экономического роста, в стране активно складывалось общество потребления; но на фоне относительной политической («голландская» Республика) и экономической («Славное тридцатилетие») стабильности уровень жизни французов снижался. С модернизацией промышленности актуальной стала проблема безработицы, прежде всего, среди рабочего класса и женщин; со стабилизацией демографической ситуации после Второй мировой войны ужесточились правила приема абитуриентов в университеты, сократились льготы для студентов. Итак, на фоне политического и экономического процветания страны «маленький» человек почувствовал себя одиноким и заброшенным. Одним из ключевых лозунгов того времени была знаменитая фраза «Запрещать запрещается». В среде французов получают небывалую популярность разговоры об образе жизни американцев. Так называемая «американская мечта» вторгается в жизнь француза: человек есть *homo faber*, прежде всего, — существо трудящееся, а значит и зарабатывающее. Но столкнувшись с трудностями жизни, французы в мае 1968 г. обращаются не к «сладкой» американской мечте, а к проблемам существования «реального» европейца. Возможно, поэтому символом студенческих революционных движений стал Ж.-П. Сартр, единственный, кто получил вход в оккупированную студентами Сорбонну.

Таким образом, в конце XIX в. усиливается влияние иррационализма, обусловленное целым спектром причин (революционизированием действительности, демонтажем многих правящих режимов, межгосударственными военными конфликтами, которые обернулись Первой мировой войной, усугублением отношений человека с техникой). Несколько поколений интеллектуалов находят в иррационализме исчерпывающее объяснение указанных и иных процессов. Поиск ответов мыслители начинали с акцентирования внимания на природе воли и веры человека. Рассматривая человека, прежде всего, как волевое существо, философы-иррационалисты с необходимостью приходили к проблеме определения границ воли и характере ее потенции. Поставленные вопросы непосредственно связаны с проблематикой определения свободы человека, обладающего волей. Размышления о человеке сделали предметом своих исследований философы XX столетия (атеистической и религиозной ориентации), развернувшие, в иных случаях — опровергнувшие, отдельные тезисы философов-иррационалистов. Магистральным философским течением XX столетия, представители которого актуализировали проблематику свободы и ответственности человека в стремительно меняющемся мире, и стал экзистенциализм.

Что касается философской рефлексии экзистенциальных проблем человечества, то следует отметить, что эта тематика моментально заполнила культурно-философское поле мысли интеллигенции того времени, вступив в авангард чувствования и действия «интеллигентского потока». Однако как быстро философско-экзистенциальные идеи завоевали популярность у размышляющих людей, так быстро они «сошли на нет». Со смертью вид-

ных представителей экзистенциализма А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса — как будто бы некому стало гласить о проблемах экзистенции и с этими лозунгами вести за собой людей. Складывается ложное впечатление, что к концу XX в. «градус» экзистенциальной проблематики падает, а сама она покидает поле философской и культурной рефлексии. Но так ли это? Исчезает ли экзистенциалистская рефлексия из общекультурного поля философствования или лишь трансформируется?

Ряд исследователей придерживаются точки зрения о преемственности экзистенциалистских идей представителями постмодернистской философии в «сквозных» проблемах, не потерявших своей актуальности и сегодня [3; 5; 7]. В этом контексте именно экзистенциалистский взгляд на человека оказался для постмодернистской парадигмы наиболее актуальным. Например, утверждения Ж. Ф. Лиотара и Ж. Деррида о языковой зависимости, языковом основании реальности, как и о «ничего не существующем вне текста», и даже «анти-антропологический» проект М. Фуко, формально декларирующий «смерть человека», отнюдь не означают отказа от Человека. Их не следует огульно зачислять в антигуманистические, поскольку они не только диагностируют «болезнь» общества, превратившегося в некую абстракцию, существующую вне и помимо личности, но и предлагают пути «излечения» общества и индивида. Можно утверждать, что постмодернистский призыв к игре и интерпретации представляет собой завуалированный *бунт против одномерности «многомерного» человека*, против абсолютизации его *предзаданности*, против *тотального омассовления* культуры, сознания личности и т. д.

Специфическое теоретическое содержание постмодернистской философии обусловлено тем, что она является гуманитарной формой освоения информационного этапа в развитии общества [7]. По этой причине интерес постмодернистской философии к человеку камуфлируется в условиях информационных технологий. Вопрос о подлинности человеческого существования разворачивается теперь в терминологии экзистенции, испытывающей давление высокой скорости изменений социальной среды, тяготеющей к росту масштабов искусственного в культуре и обществе; экзистенции вариативной, где проявлениями ее вариативности являются трансгрессивный опыт и тотальная креативность. Моделью личности подобного типа экзистенции, способной выдержать тотальные трансформации социума и культуры в сверхскоростном виртуальном цифровом мире, где господствует информационная (постмодернистская) философия и преобладает компьютерное мышление, является *homo existens* — некий новый и соответствующий нынешним реалиям тип личности [7].

Возрастающая роль коммуникации ведет к тому, что пространственно-временная организованность человеческого бытия сегодня часто подменяется упрощенной топологией «посещения», «пользования». Это способствует укоренению в сознании мысли о том, что человеческое сегодня возможно не только на основе социального, но и на основе

технологического, и, следовательно, о малой (и все уменьшающейся) значимости социального. Это выступает одним из следствий тотального воздействия коммуникации проявлений на человека.

Реальный мир уже не может не быть только лишь результатом симуляции, — констатирует Ж. Бодрийяр. Именно поэтому подлинность, которую разрабатывали в своем дискурсе экзистенциалисты отныне, согласно теоретикам постмодернизма, предстает лишь как эффект реального, эффект истины и эффект объективности. Более того, человек информационного общества как будто бы уже и не нуждается в реальности: «Достаточно много людей, для кого информационно-компьютерное бытие важнее традиционного, ибо основную часть времени они взаимодействуют с экранами, не нуждаясь в предметных прототипах» [4, с. 149]. Поэтому, если в экзистенциализме человек вбрасывается в случайное, но реальное бытие, то в постмодернизме это бытие предстает случайно-виртуальным (например, случайность гиперссылок в Интернете, по которым скользит пользователь Мировой Сети). И эта случайность уже не вызывает реально-экзистенциального чувства тошноты (или страха, тревоги, ужаса). Постмодернизм, таким образом, теперь предстает беспроblemным, безоблачным и безотносительным в плане глубинно экзистенциальных поисков себя [6]

Литература

1. Бердяев, Н. А. *Человек и машина* [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. — URL: <http://krotov.info/>

library/02_b/berdyayev/1933_384.html (дата обращения: 15.07.2014)

2. Бодрийяр, Ж. *Символический обмен и смерть* / Ж. Бодрийяр. — М.: Добросвет, 2013. — 392 с.

3. Корецкая, М. А. *Эффект реальности и пустыня Реального: цинизм и тоска на обломках онтологии* / М. А. Корецкая. — Вестник Самарской гуманитарной академии. Вып. «Философия. Филология». — 2006. — № 1 (4). — С. 42—57.

4. Кутырев, В. А. *Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала* / В. А. Кутырев. — Вопросы философии. — 1998. — № 5. — С. 138—156.

5. Новикова, Е. С. *Экзистенциалы человеческого бытия как предмет этического анализа: дис. ... канд. филос. наук* / Е. С. Новикова. — Тула. — 2007. — 162 с.

6. Пастушкова, О. В. *Онтологическое пространство свободы: дис. .... канд. филос. наук.* — / О. В. Пастушкова. — Воронеж. — 2005. — 156 с.

7. Прокопьева, П. В. *Философия экзистенции в контексте постмодернизма: дис. ... канд. филос. наук* / П. В. Прокопьева. — Краснодар. — 2012. — 196 с.

8. Сартр, Ж.-П. *Бытие и ничто* / Ж.-П. Сартр. — М.: АСТ, 2009. — 928 с.

9. Сартр, Ж.-П. *Проблемы метода* / Ж.-П. Сартр. — М.: Академический проект, 2008. — 222 с.

10. Сартр, Ж.-П. *Экзистенциализм — это гуманизм* [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. — URL: http://scepssis.net/library/id_545.html (дата обращения: 12.11.2014)

11. Хайдеггер, М. *Бытие и время* / М. Хайдеггер. — М.: Наука, 2006. — 466 с.

12. Хайдеггер, М. *Отрешенность* [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. — URL: <http://philosophy.ru/library/heideg/estr.html> (дата обращения: 19.04.2013)

13. Ясперс, К. *Разум и экзистенция* / К. Ясперс. — М.: Канон+, 2013. — 336 с.

Поступила в редакцию 27 мая 2015 г.

ГРЕДНОВСКАЯ Елена Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет. Сфера научных интересов: область пересечения проблем социальной философии и философской антропологии. В настоящее время научно-исследовательский интерес сконцентрирован в проблемном поле философской антропологии, философии образования в контексте глобальных проблем современности. E-mail: nebytiya_net@mail.ru

ПЕННЕР Регина Владимировна, аспирант кафедры философских наук, Южно-Уральский государственный университет. Сфера научных интересов — исследование символа и знака в культурно-философском контексте, феномены массовой культуры, в частности, сериал как актуальное поле исследования для философской антропологии и философии культуры. Особое внимание исследователь уделяет новым культурным формам как актуальным площадкам для трансцендирования современного человека. E-mail: penner.r.v@gmail.com

THE PROBLEM OF AUTHENTICITY OF EXISTENCE IN THE DISCOURSES OF EXISTENTIALISM AND POSTMODERNISM

E. V. Grednovskaya, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, nebytiya_net@mail.ru

R. V. Penner, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, penner.r.v@gmail.com

The article is about comparative analysis of the ideas of existentialism and postmodernism, of their conditions and the specific of their formation. A key aspect of the article is the analyze of the problems of authenticity of existence, a new mode of its semantic content in postmodernism under the influence of information technology.

Keywords: existentialism, postmodernism, human, authenticity, existence, discourse, information technology, the “death” of God, the author; the subject.

References

1. Berd'ayev, N. A. Chelovek i machina [Human and machine] / URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1933_384.html
2. Bodriyar, J. Simvol'icheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. — M.: «Dobrosvet», 2013. — 392 p.
3. Koreckaya, M. A. Effekt real'nosti i pustyn'ya Real'nogo: cinizm i toska na oblomkah ontologii [The effect of reality and Desert of the Real: cynicism and sadness on the ruins of an ontology] / Vestnik Samarskoi Gumanitarnoi Akademii. Vypusk "Filosofia, filologia". — 2006. — № 1 (4). — P. 42-57
4. Kutyrev, V. A. Post-pred-hiper-kontr-modernizm: koncy i nachala [Post-pre-hyper-counter-modernism: endings and beginnings] / Voprosy filosofii. — 1998. — №5. — P. 138-156
5. Novikova, E. S. Ekzistencialny chelovecheskogo bytia kak predmet eticheskogo analiza [Existential of human being as an object of ethical reflection] : diss. na soisk. uch. step. kand. filos. nauk / Tula. — 2007. — 162 p.
6. Pastushkova, O. V. Ontologicheskoe prostanstvo svobody [The ontological space of freedom] : diss. na soisk. uch. step. kand. filos. nauk / Voronej. — 2005. — 156 p.
7. Prokop'eva, P. V. Filosofija ekzistencii v kontekste postmodernizma [The philosophy of existence in the context of post-modernism] : diss. na soisk. uch. step. kand. filos. nauk / Krasnodar. — 2012. — 196 p.
8. Sartr, J.-P. Bytie i nichto [Being and Nothingness]. — M.: «ACT», 2009. — 928 p.
9. Sartr, J.-P. Problemy metoda [Problems of method]. — M.: «Akademicheskii Proekt», 2008. — 222 p.
10. Sartr, J.-P. Ekzistencializm eto humanizm [Existentialism is a humanism] / URL: http://scepis.net/library/id_545.html
11. Haidegger, M. Bytie i vremena [Being and Time]. — M.: «Nauka», 2006. — 466 p.
12. Haidegger, M. Otreshennost' [Detachment] / URL: <http://philosophy.ru/library/heideg/estr.html>
13. Yaspers, K. Razum i eksistencija [Reason and Existence]. — M.: «Kanon+», 2013. — 336 p.

Received May 27, 2015